

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П83

Amanda Prowse
POPPY DAY
Copyright © Amanda Prowse, 2012

Перевод с английского *Александры Смирновой*
Художественное оформление *Елены Анисиной*

Проуз, Аманда.

П83 День красных маков : [роман] / Аманда Проуз ; [пер. с англ. А. С. Смирновой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-091942-0

Мартин покидает Англию, чтобы заработать состояние за границей, но очень скоро пропадает без вести. Его жена Поппи до последнего надеется на лучшее, но когда ей сообщают жуткую новость – Мартина похитили в Центральной Азии, и его жизнь может оборваться в любой момент, – она решается на отчаянный поступок. Облачившись в восточное одеяние, Поппи отправляется в далекий, загадочный Афганистан, выдав себя за известную журналистку. Она оказывается без какой-либо защиты в самом сердце недружелюбной страны, среди гор и кишлаков, в компании отчаянного журналиста Майлза Варрасо и одного из местных головорезов. Ей остается уповать на благосклонность судьбы, поскольку отныне ее задача не только отыскать Мартина, но и вернуться домой живой.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-091942-0

© Смирнова А., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ СЛОВО

Мысленно посылаю объятия всем, кто внёс свой вклад в написание этой книги, всем, благодаря кому роман появился на свет.

Прекрасной (телом и душой) Кэролайн Мишель, а также замечательной компании PFD, перед которой я всегда буду в долгу.

Отделу Розовых Стульев в издательстве «Head of Zeus», особенно мистеру Читаму, Лауре, Матильде и Бесси — эти ребята знают, как из хорошей книги сделать гениальную!

Эми (www.cabinlondon.co.uk) — за выдающийся ум.

Огромное спасибо Йену Дейлу и Гранту Такеру за ценные советы, помощь и поддержку.

Восхитительным Рианнон Фокс и Элисон Уильямс, управляющим фан-клубом @PoppyDayFans.

Полу Смиту (www.paulsmithphotography.info), по вине которого меня встречают разочарованные взгляды — ведь на его фотографиях я куда красивее, чем в жизни!

Аманда Трюз _____

Моим мальчикам: папе, Саймону (любви всей моей жизни), Паулю, Симону, Ники, Люку, Джошу, Бену и Ною.

Моим девочкам: маме, Нэн, Джози, Эли, Эби, Стиви и Амели.

Моей самой лучшей в мире подруге — Кэрол. Она делает для меня так много и знает об этом... а ещё она умница, но не в состоянии заварить приличный чай — если мне не верите, спросите у Луи!

И, наконец, Генриетте — самой настоящей феерической, о которой можно только мечтать. Генриетта, этого простого слова недостаточно, чтобы выразить всю мою благодарность: спасибо.

ГЛАВА 1

Майор резко дёрнул одну манжету, затем другую, удостоверился, что они видны из-под рукава на десять миллиметров. Большим и указательным пальцами провёл по губам, откашлялся. Кивком указал сопровождающему сержанту на дверь. Он был готов.

— Иду! — крикнула Поппи в коридор, в очередной раз отметив про себя, что надо бы починить дверной звонок — под расхлябанным железным покрытием давно повредился механизм. Резкий, раздражающий звук уже вписался в ритм квартиры. Поппи окружала мебель, подверженная всевозможным хворям. Несомненными звёздами этого оркестра были скрипучая дверь в спальню, капающий кухонный кран и жужжащий вентилятор, который к тому же совсем не вентилировал.

Поппи улыбнулась, заправила волосы за уши. Это, наверное, Дженна, которая любила забегать к ней на обед. Их проверенная годами дружба позволяла многое — не нужно было спешно мыть посуду, прятать приготовленное в стирку бельё, даже переодеваться. Никаких секретов друг от друга. Поппи

нарезала хлеб, посчитала рыбные палочки на гриле и разделила на два сэндвича — простая арифметика. Она ощутила прилив радости.

Дверной звонок снова задребезжал.

— Сейчас! Сейчас! — слизнув кетчуп с больших пальцев, Поппи рассмеялась над нетерпеливостью того, кто снова надавил на пластиковый кружок.

Бросив на стол выдавшее виды полотенце, она через прихожую направилась к входной двери со стеклянной вставкой, непрозрачной, хотя это не вписывалось в интерьер и смотрелось неуютно. Поппи шла всё медленнее, вот-вот готовая остановиться, и напряжённо вглядывалась в фигуры за дверью так, словно её неотрывный взгляд был в силах изменить это зрелище. Сердце неровно забилося. Прижав к груди дрожащую ладонь, она старалась успокоить учащённый пульс. Чувство радости исчезло — теперь в животе застыл ледяной ком, наполняющий всё тело холодным ужасом. Поппи не видела силуэта подруги с неизменным конским хвостом на голове. За дверью были две фигуры. Двое мужчин. Двое военных.

Поппи не знала, вернуться ли ей в кухню и выключить гриль или всё же добраться до двери и впустить их. Не решившись ни на то, ни на другое, Поппи застыла посреди прихожей, чувствуя, как водоворот мыслей кружит в сознании, угрожая затянуть. От этого кружения можно было упасть в обморок. Поппи помотала головой, чтобы мысли пришли в порядок. Сработало.

Интересно, сколько они пробудут здесь, сколько времени всё это займёт? Нужно было съесть рыбные палочки и через полчаса, прихватив шампунь, мчаться

ся обратно в салон; через сорок минут — уже приступить к работе. Ей подумалось — как странно, что самый обычный день может внезапно стать совершенно непредсказуемым. Она знала, что запомнит его до мельчайших подробностей, которые обычно забывались на следующее утро; каждая минута навсегда вьется в её память. Запомнит, как согнулись и заковенели большие пальцы ног в мягких красных носках, как трещал и шипел обед на гриле, как шум телевизора внезапно стал слишком громким.

Разглядывая неясные очертания ещё не знакомых мужчин, Поппи почему-то думала о том, что дома не прибрано. Лучше бы она сегодня не готовила рыбу. Потом Поппи не раз удивлялась, почему в такую минуту волновалась о каких-то мелочах, ведь причина визита была куда серьёзнее ароматов кухни и неровно лежавших подушек.

По телевизору шёл «Коломбо». Поппи не смотрела — ей просто нужен был звуковой фон. С тех пор как ушёл Мартин, она первым делом, возвращаясь домой, включала телевизор или радио. Всё лучше, чем сидеть в тишине. Этого Поппи терпеть не могла.

Снова взглядевшись в темноту, она удостоверилась, что за дверью именно две фигуры, и нехорошее предчувствие того, что было и так ясно, стало ещё сильнее. Правила известны — когда новости хорошие, присылают письмо; звонят, чтобы сообщить о незначительном происшествии. Если приходит человек в форме — случилось страшное. Если двое — самое страшное.

Поппи рассмотрела силуэты по ту сторону двери. Один — простой солдат, ясно по головному убору;

второй чином повыше, офицер. Их фигуры были Поппи незнакомы. Она понимала, что они ей скажут, раньше, чем они вошли, раньше, чем произнесли хоть слово; их позы были неловкими, напряжёнными.

Взгляд Поппи упал на картонную коробку под кроватью. Там лежало нижнее бельё — откровенное, кружевное, выбранное для неё Мартином. Теперь Поппи всё это выбросит, оно ей больше не нужно — больше не будет годовщин, дней рождения, волшебных воскресных дней, когда весь мир сводился к прямоугольнику матраса, уголку подушки и запаху любимого мужчины.

Поппи не знала, сколько времени простояла у закрытой двери, но у неё возникло странное чувство, будто бы с каждым шагом дверь чуть заметно уползает прочь.

Твёрдой рукой она потянула за цепочку — причин трястись от ужаса не было. Пока. Широко распахнутая дверь стукнулась о стену. Потускневшая ручка легко вошла в привычный выступ в штукатурке. Обычно Поппи лишь чуть-чуть приоткрывала дверь, чтобы, выглянув, посмотреть, кто пришёл, но сегодня всё было не так, как обычно, — да и какая опасность могла ей угрожать, если в дверном проёме стояли двое военных? Поппи пристально посмотрела на них. Бледные, издёрганные. Перевела взгляд в сторону, на лестницу, ведущую к четвёртому этажу и ещё выше, к небу; осознала, что проживает последние несколько секунд прежней, целостной жизни. Поппи хотелось наслаждаться ими, потому что она понимала — как только мужчины заговорят, её мир

рухнет. Долго не могла оторвать глаз от бездонной синевы, лишь чуть-чуть тронутой лёгкими мазками облаков. Это было прекрасно, просто прекрасно.

Мужчины оценивающе смотрели на Поппи, пока она глядела куда-то поверх их голов. В первые несколько секунд они составили мнение о ней. Один отметил сморщенный нос в веснушках, прямой, открытый взгляд. Другой — серую мебель за её спиной и обтрёпанный рукав рубашки.

Практика подготовила их ко всему — от обморока и истерики до мучительной, молчаливой скорби; они могли оказать помощь в любом случае. Этот вариант был самым тяжёлым — отчуждённое молчание и заторможенная реакция, которая могла оказаться какой угодно.

Поппи вспоминала их последнюю с мужем ночь перед тем, как он отправился в Афганистан, и хотела только одного — чтобы можно было вернуть её и всё исправить. Она наблюдала за его отточенными движениями, смотрела, как он укладывает завёрнутый в пластик бойскаутский инвентарь грязного цвета, назначенный к отправке в новый дом, в песчаную пустыню. В то место, которое она не могла себе представить, в ту жизнь, от которой была ограждена. Она даже не заметила, как кончики его пальцев погладили вышитые на наволочке розы, в последний раз прикоснувшись к женственной красоте, означавшей для него дом, означавшей Поппи.

Собирая рюкзак, который лежал открытым на их кровати, Мартин вдруг стал насвистывать себе под нос. Мотив Поппи не узнала. Она смотрела в улыбающееся лицо, а Мартин упаковывал одежду и при-

надлежасти для мытья в бездонную пещеру цвета хаки. На миг он остановился, чтобы откинуть с глаз уже не существующую чёлку. Как человек, лишившись пальца, ещё чувствует холод в нём и растирает руки, пытаясь его согреть, так и Мартин всё поправлял волосы, которые теперь были острижены.

Поппи не поняла, что означает его улыбка, но её было достаточно, чтобы слова, которые так и вертелись на языке, бурным потоком вырвались на свободу. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что Мартин собирается на вечеринку в весёлой компании, а не на войну.

— Ну что, счастлив, Март? Впрочем, можешь не отвечать, это глупый вопрос — конечно, ты счастлив, ты ведь этого и хотел, да? Бросить меня, своих друзей и всё остальное на целых полгода, чтобы поиграть в войнушку?

Поппи не знала, каких слов ждёт от него в ответ, но он должен был что-то ответить. Должен был прижать её к себе, сказать, что он вовсе этого не хочет, не хочет покидать её или, по крайней мере, что был бы рад взять её с собой. Что-нибудь, что успокоило бы её, хоть немного облегчило бы её страдания; но он ничего не сказал и ничего не сделал.

— Ты меня слышишь, Март? Я спрашиваю — рад ты наконец, что сбылись твои планы, наступило то прекрасное светлое будущее, о котором ты всю жизнь мечтал?

— Поппи, прошу тебя...

— Никаких «Поппи, прошу тебя»! Не проси меня ни о чём, не жди, что я тебя пойму — потому что я не понимаю! Вот на что ты подписался, Март, вот что это

значит — ты свалишь в свою богом забытую пустыню, а я останусь торчать тут, вот что я пытаюсь тебе объяснить с того самого дня, как ты заявился сюда в этом паршивом костюме, выполнив свою миссию!

— Но ведь это не навсегда... — Голос Мартина был тихим, глаза неотрывно смотрели в пол. Вид у него был озадаченный, словно он только что понял, как нужен Поппи. Это разозлило её ещё больше — она то ни о чём другом не думала, а он задумался лишь теперь.

— Мне наплевать, навсегда или нет. Разве ты сам не видишь? Какая разница, на год ты уходишь или на одну ночь — всё равно это слишком долго. Ты бросаешь меня здесь, где холодные тоскливые зимние вечера и где на лестнице шатаются наркоманы. Что мне тут делать? Скучать по временам, когда я веселилась в компании чокнутой бабули? Но ты не волнуйся обо мне, Март, ступай вперёд за приключениями, докажи себе то, что хотел доказать. Я как-нибудь без тебя справлюсь, ты понял?

Ей хотелось не спорить с ним, а обвив руками его шею, повиснуть на ней. Хотелось сильнее прижаться губами к его губам и целовать, целовать на будущее, когда тоска по нему станет невыносимой. От боли было так плохо, что даже трясло; этой дрожью питался растущий гнев. Когда Мартин ушёл, Поппи даже стало немного легче, потому что исчез страх его неминуемого ухода. Теперь он сменился данностью отсутствия, с которой было как-то проще смириться. Снова и снова Поппи проигрывала в голове их ссору, прокручивала все слова, обдумывала все поступки... осознавая, что лишь она одна страда-

ет от этих назойливых воспоминаний. Мартин называл её раздумья гнетущими, но ей они помогали понять, что случилось и почему, помогали найти ответ или, во всяком случае, разумное объяснение. Иногда, конечно, и объяснения не было — ведь скандалы часто возникают просто от усталости, от раздражения или по какому-нибудь ещё незначительному поводу. Но для этой ссоры не было ясных причин. Ведь дело было не в том, что он не пропылесосил как следует ковёр, не опустил сиденье унитаза, не убрал молоко в холодильник. Случилось что-то гораздо серьёзное. Оба были так напуганы, что боялись даже признаться себе в этом страхе. Вряд ли они смогли бы объяснить по порядку всё, что их пугало. Конечно, они боялись разлучаться так надолго, боялись оторванности друг от друга и одиночества; эти страхи лидировали поочерёдно. Но был и ещё один, о котором молчали, — страх, что Мартина могут ранить или убить. Эта мысль была слишком ужасной, чтобы говорить о ней вслух, но они прокручивали её в голове снова и снова, скрывая свою тревогу друг от друга, отводя и пряча в подушку глаза. Поппи хотела сказать ему, что, если его ранят, если он ослепнет, потеряет руку или ногу, она примет его любым. Конечно, будет нелегко, но Поппи не станет любить его меньше, а значит — они справятся, они с чем угодно справятся. Во всяком случае, она верила. Была и такая мысль — за бокалом вина рассказать Мартину, что только благодаря ему её жизнь чего-то стоит. Он — единственный, на кого всегда можно положиться, и Поппи не жалеет ни об одной минуте, проведённой рядом с ним. Она хотела сказать, что за

их короткое счастье отдала бы пятьдесят лет жизни. Конечно, он и так знал, что она будет скучать о нём каждый день, каждую секунду и никогда не позволит другому мужчине прикоснуться к ней. Был только Мартин, навсегда, и мысли о других были Поппи противны. Она состарится одна, окружённая лишь воспоминаниями; хуже всего будет, конечно, что их дети никогда не появятся на свет.

После нескольких дней раздумий Поппи охватило мучительное чувство вины. Как она могла с ним ссориться, вместо того чтобы согреть и дарить уют, зная, что он отправится воевать так далеко, в чужой мир, где нет ни тепла, ни любви, ни ласки? Когда по прошествии времени эти чувства притупились, осталась ноющая боль одиночества. Полгода, сто восьмидесят дней — не важно, как часто Поппи вспоминала прошлые шесть месяцев, пролетевшие очень быстро; предстоявшие виделись вечным приговором.

Офицер кашлянул в кулак, вернув её в настоящее. Она ждала, что он заговорит первым, не хотела его торопить; спешить было некуда. Честно говоря, не хотелось облегчать ему задачу — пусть он, пытаясь подобрать слова, испытает хоть немного той боли, которую начинала чувствовать Поппи. Стоя очень прямо, она представляла себе, что случится дальше, и ещё не сказанные слова звучали в её голове. Какую отрепетированную фразу он выберет? «Мартин погиб»? «Мартин был ранен и погиб»? «Случилось страшное, Поппи, Мартин погиб»? «Миссис Термит, у нас печальные новости. Вы одна дома?» Поппи часто представляла себе, каким будет этот разговор. Попробуйте найти жену, мужа, отца или мать, не